

**Читайте в серии
«Молодежная российская
романтическая проза»:**

Цикл «Первые чувства»:

«Пепел» Ники Сью

«Искры снега» Ники Сью

«Вкус свободы» Кейт Вэйл

«В погоне за счастьем» Мари Клейн

«Босиком по асфальту» Элеонора Фео

«Шаг навстречу тебе» Диана Майерс

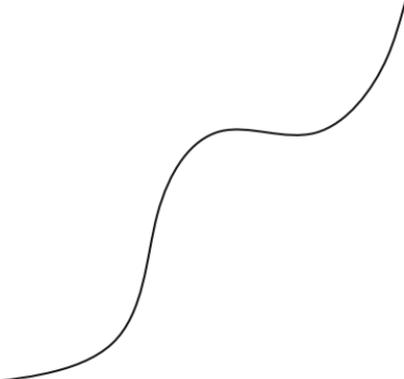
«Эскиз нашей любви» Лина Винчестер

«Любовь под ритмы рока» Айли Фриман

«Ворон» Эмилия Грин

«Созвездие для Шелл» Тесса Эмирсон

«Соучастники в любви» Луна Лу

Ники Сью

Искры снега

Freedom

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С69

Иллюстрация на обложке *Vetka*

Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Сью, Ники.
С69 Первые чувства. Искры снега / Ники Сью. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Young Adult. Молодежная российская романтическая проза).

ISBN 978-5-04-189105-3

Их история закончилась на выпускном. Любовь растворилась, оставив после себя лишь пепел. С тех пор прошло три года. Рита вырвалась из-под гнета родителей, обрела уверенность в себе, у нее появился лучший друг. Жизнь Вити тоже не стояла на месте. Он стал помогать отцу на работе, нашел очаровательную спутницу и, казалось, забыл о предательстве Риты.

Но одним декабрьским днем все перевернулось: Витя вновь ее увидел. Свою подругу детства. Девушку, растоптавшую его чувства несколько лет назад. Кажется, у Риты есть большой секрет, о котором юноша даже не подозревал.

Сможет ли Витя узнать, что произошло в тот роковой выпускной вечер? Примет ли тяжелую правду, положившую конец романтическим отношениям? И есть ли у их истории шанс на счастливый финал?

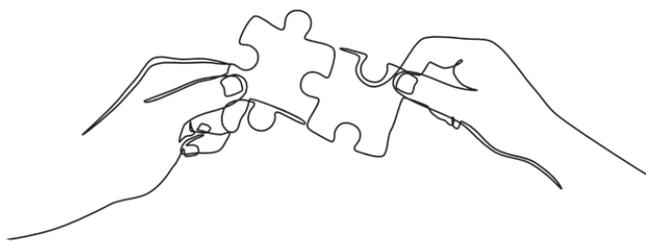
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ники Сью, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024
ISBN 978-5-04-189105-3

Плей-лист

1. Saveus — Rainman
2. Hedley — Parade Rain
3. Скрэт — Без тебя
4. Amirchik — Девочка-весна
5. Chase Atlantic — Friends
6. James Arthur — Never Let You Go
7. DJ SMASH, Poet — АТМА
8. Lifehouse — You and Me
9. Наталья Гордиенко — На синих озерах
10. One Direction — Last First Kiss

Глава 1

Витя

Наши дни

Антон мерил шагами коридор больницы, скрупулезно разглядывая плакаты на стенах. А там чего только не было: и описание вирусов, в том числе передающихся половым путем, и болезни ЖКТ, и многое другое. Заголовки словно кричали: «Посмотри, вокруг полно опасностей!» Мой лучший друг заметно нервничал, держа руки в карманах потертых синих джинсов, рассматривая эти плакаты. Он громко вздыхал, то и дело облизывал губы и поглядывал на дорогие часы у себя на запястье. С Антоном мы случайно сблизились, хотя, пожалуй, это была та случайность, за которую можно благодарить судьбу. После школы я уже и не думал, что найду настоящего друга, с которым и в огонь, и в воду, и на сумасшедшие приключения. И тут Леваков... Я, когда с ним впервые познакомился, скривился. Нет, дело было не во внешности — с этим у друга проблем

как раз не имелось. А вот в характере обнаружилась та самая перчинка, которая меня и оттолкнула. Антон слишком сильно заострял внимание на мнении окружающих, даже больше — он словно заикливался на нем. Обычно я с такими ребятами дружбу не водил.

Но все изменила Юля — «комета Галлея»! Таких, если захочешь, и найти не сможешь. Однако Антону повезло. После знакомства со Снегиревой он изменился, перестал быть зависимым от людей вокруг, от денег своей родни и, как вишенка на торте, — мы стали лучшими друзьями. Наверное, за это тоже стоило поблагодарить Юльку.

— Ну чего они так долго? — пробурчал Леваков, устало посмотрев на меня. Он запрокинул голову к белому потолку, вглядываясь в него. Воздух вокруг пропитался спиртом и хлоркой, но Антону это не мешало глубоко вздыхать.

— Да это всего лишь ушиб, что ты как мамочка? — сказал я и усмехнулся, покачивая ногой. Стулья в коридоре ожидания были неудобными, пусть и новыми.

В кармане завибрировал мобильный. Марина любезно напоминала, что вечером у нас с ней свидание. Она была из тех девушек, которых можно отнести к категории «лайт»: не напрягала своими звонками, просьбами погулять, и наши отношения были ближе к свободным, что меня в целом устраивало. А вот отец, наоборот, твердил — давай, не теряйся там, нам бы не помешали такие партнеры,

ведь Леонова из очень состоятельной семьи. Ее старик не последний человек в городе.

— Если бы ты любил хоть одну свою девушку, то вел бы себя иначе, — пробурчал недовольно Антон.

— Любовь придумана для таких, как ты и Снегирева. Всем остальным можно и без любви, — отмахнулся я. Вызов от Марины не принял, решил отложить томные разговоры на потом.

— О! Юля! — воскликнул Леваков, когда Снегирева вышла из кабинета вместе с доктором. Невысокая худенькая девушка с карими глазами, в которых, казалось, поселилось солнце. Пшеничные волосы завязаны в пучок, а кремовое вязаное платье чуть выше колен испачкалось и кое-где даже порвалось. Втроем мы здесь оказались по случайному стечению обстоятельств. Я ехал от отца домой, остановился на светофоре, а Юлька, поскользнувшись, упала посреди дороги буквально перед капотом моего автомобиля. Декабрь выдался достаточно скользким, так что ничего удивительного. В новостях частенько писали о ДТП или сбитых пешеходах, администрация города даже установила специальные светофоры с мигающими человечками, видимо, надеясь, что помогут жителям. Однако и от них толку было мало.

Снегирева умудрилась неплохо приложиться об асфальт. У меня, когда увидел ее, сердце ухнуло в пятки, но я тут же выскочил из машины, помог Юле подняться, усадил на заднее сиденье и повез

в клинику. Как позже выяснилось, у Левакова здесь работал знакомый главврач, так что нас быстро приняли, а потом и сам Антон подъехал — взволнованный, запыхавшийся, из ушей чуть ли не пар шел. Да и я перепугался, что греха таить, но травма, к счастью, оказалась несерьезной.

— Спасибо, Евгений Михайлович, — поблагодарила Юля и улыбнулась доктору. На вид мужчине было лет сорок: долговязый, с короткими редкими русыми волосами и волевым подбородком. Выглядел он уставшим, словно не спал уже вторые сутки, хотя, может, так оно и было, дежурства у врачей никто не отменял.

Юля, хромая, подошла к свободным стульям и присела на один из них.

— Ну, ты как? — Антон подскочил к девушке, сел рядом и стал разглядывать с ног до головы. Фанатик, ей-богу.

— Нормально, не переживай, — ответила Юлька. — Мне мазь выписали, сказали, пару дней, и буду снова порхать как бабочка. Вить, — обратилась Снегирева ко мне. Я виновато улыбнулся девушке, отмечая про себя, какая все-таки она позитивная и улыбчивая. Даже странно, что мы тогда с парнями посмеивались, кличку дали ей. Глупость, конечно. И пусть изначально Снегирева мне вообще не нравилась, но, когда мы с Антоном устроили план-захват женского сердца, даже я проникся к этой девушке дружеской симпатией.

— Да, моя дорогая, — в типичной манере ответил я, за что получил от Левакова подзатыльник.

— Вить, спасибо тебе, с меня причитается. Слушайте, — с энтузиазмом воскликнула Снегирева, переключаясь. Видимо, посетила очередная идея. В этом вся Юлька — в ней было столько энергии, что я бы не удивился, если бы она однажды решила улететь на Марс открывать новые территории.

— А давайте у нас соберемся на днях? Я приготовлю чего-нибудь вкусенького.

— Ему вредно вкусенькое, — произнес Антон, а во взгляде читалась ревность.

— Ты на диете? — спросила девушка, удивленно взглянув на меня.

— Ему Алиночка будет готовить сладости.

— Мариночка, — поправил я, усмехнувшись.

Хотя Леонова не умела готовить, от слова «совсем». Все, на что ее хватало, — это разогреть в микроволновке еду из своего ресторана. Даже с простеночкой яичницей не справлялась.

— Опытная кошка, — продолжал Антон.

— Опытная львица, братишка, — кривлялся я.

Да, Маринка была старше меня на пять лет, но с ней и проще, чем с ровесниками.

— О, это же... — Леваков перевел взгляд в сторону длинного полупустого коридора и резко замолчал. Я не сразу понял, чему он так удивился, но, когда проследил за направлением его взгляда, и сам чуть не задохнулся. Мир вокруг неожиданно

перестал существовать, казалось, кто-то поставил его на паузу.

— Рита... — прошептал я себе под нос. Она шла в длинном пальто и обтягивающих джинсах. Романова теперь носила джинсы? Хотя, когда я видел ее недавно, с месяц назад, тогда она тоже была одета довольно современно. Но не это ввело меня в ступор. Рита вела за руку по больничному коридору мальчишку лет пяти. Они о чем-то мило переговаривались, и Романова улыбалась мальчику так искренне, словно за этой улыбкой скрывалась любовь размером с целую планету.

В груди болезненно кольнуло. Я всегда напрягался, стоило только заметить где-то Марго. Вроде два с половиной года прошло, чувства давно сгорели, вернее, я их спрятал подальше, закрывая сердце на тысячу замков, однако каждый раз, когда случайно видел Риту, мне почему-то становилось не по себе. В памяти вспыхивал выпускной, ее безразличный взгляд, поцелуй в щеку и съехавшее платье.

— Рита? — спросила Юлька, всматриваясь вдаль. — Что за Рита?

— Это ее ребенок что ли? — вопрос Антона ввел меня в ступор. Сперва я и сам подумал, что Романова обзавелась сыном — мальчишка был очень на нее похож. Но потом понял, как это глупо звучало. Какой сын? Нам всего по двадцать, а малому на вид не больше пяти. Однако сердце все равно неприятно пронзило, словно от острого осколка. Болезненные воспоминания давным-давно должны

были превратиться в пепел, сгореть вместе с моими чувствами. Я ненавидел Риту за всю ту боль, которую она причинила мне, за предательство, за надежду, которую подарила, а затем забрала.

— Не говори ерунды, — буркнул я, стараясь успокоиться, но взгляд от девушки отвести почему-то не смог. Особенно от ее улыбки. Такой она казалась нежной, солнечной, а меня давно ничего не подпитывало. Жизнь, будто хрустальный сосуд, сломалась после выпускного, я смирился и просто плыл по течению. А сейчас увидел эту улыбку — и все... словно ножом полоснули.

— Да кто она такая? Вить, неужели это... та самая? — осторожно спросила Юлька.

Я поднялся, решив уйти. Сидеть здесь и смотреть на Романову было невмоготу. Каждый раз при виде нее вены словно кипятком наливались. Но тут вдруг Рита повернулась и замерла. Глаза расширились, в них промелькнуло что-то до боли знакомое, давно забытое и очень печальное. Наверное, так выглядят потухшие звезды, когда превращаются в пыль.

Мальчишка дергал ее за руку, явно требуя к себе внимания. И Марго наконец-то посмотрела на него, что-то сказала, а затем, еще раз коротко взглянув на меня, они двинулись к выходу.

Не знаю, сколько я простоял, не в состоянии даже вдохнуть полной грудью. В голове, словно кадры из киноплёнки, мелькали моменты нашего прошлого: ее улыбка, заставляющая сердце оста-

навливаясь, жизнерадостный голос, звонкий смех. Все это теперь казалось каким-то неестественным, словно я выдумал эти проклятые воспоминания. Они, подобно яду, отравляли мою жизнь.

В реальность меня вернул главврач, тот самый Евгений, что помогал Юльке. Вернее, не он вернулся, а его разговор по телефону. Да и Риты уже не было в коридоре.

— Не переживайте, Маргарита, можете прийти на обследование через месяц, ничего страшного. У вас никаких обострений, все хорошо, в принципе. Это же плановая процедура.

Я озадаченно посмотрел на мужчину — уж больно любопытно стало, что это за ребенок ушел с Ритой. На посторонних детей так обычно не смотрят, как смотрела Романова. Кто он такой, в конце концов? Вряд ли она подрабатывала няней или взяла кого-то на попечение. Все эти предположения граничили с абсурдом.

— А вы чего еще здесь? — обратился Евгений Михайлович к нам, засунув телефон в карман белого халата.

Ребята переглянулись, явно не зная, что ответить.

— Да мы это... — начал было Антон, но не договорил.

— Скажите, а вы случайно не с Романовой Маргаритой разговаривали? — набравшись наглости, спросил я. Возможно, не стоило задавать этот вопрос, берeditь старые раны себе дороже, но случались порывы, которые невозможно остановить, со-

владать с ними. Вот как тогда, через неделю после выпускного вечера. Думал, отпустит, сделаю себе легче, но не опустило, легче не стало, наоборот, словно яду напился, а тот, по злему року, не подействовал.

Говорят, нет ничего ужаснее, чем выстрел в спину. Но предательство от любимого человека в разы хуже. Это выстрел прямо в лоб. После которого мир вдруг становится старым выцветшим снимком на полароиде. Нет, не мир, а ты сам.

— С ней самой. Вы знакомы? — с удивлением спросил врач. Я постарался сконцентрироваться на разговоре и не думать о плохом.

— Ну... типа того, — ответил я, хотя, может, это было не лучшей идеей.

Зачем я лезу в это? Да какая, собственно, разница, чьего ребенка Рита вела за руку? Пусть даже и замуж вышла, что с того? Ее жизнь не остановилась, моя тоже. Мы существовали раздельно, хоть и жили в одном городе. Каждый раз я напоминал себе об этом, и каждый раз, как бы смешно ни звучало, мне становилось не по себе от этих мыслей. Парадокс какой-то.

— Дядь Жень, а она приходила с сыном? Она такая молодая, — спросил очередную глупость Леваков, пока я сомневался, нужна ли мне новая информация о девушке, которую когда-то любил и которую всем нутром сейчас ненавидел.

— Это брат ее, Матвей. У него с сердцем проблемы были...

Искры снега

— Брат? Родной брат? — откровенно говоря, я удивился. За год наших отношений в разговорах ни разу не всплывала информация о брате. Хотя мы знали друг о друге все. Или мне так казалось.

— Брат, родной или нет, не знаю, — пожал плечами Евгений, задумчиво потирая подбородок. — Фамилия у них одна, по крайней мере. Рита иногда приводит Матвея на плановые обследования, а иногда ее мать. Он состоит у нас на учете с этого года. А до этого состоял во второй городской, но там сейчас ремонт и всех пациентов перевели к нам.

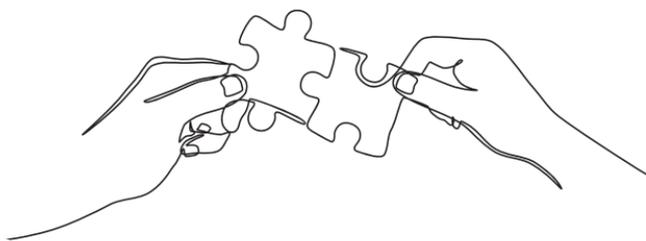
— Понятно, — сказал Антон.

Только мне ничего не было понятно. У Марго откуда-то взялся брат, и не просто брат, а больной, с довольно серьезным заболеванием. Почему она тогда ничего не рассказала, я ведь... Понятно почему, видимо, считала меня посторонним человеком. Зато теперь ясно, почему она так легко уехала с Мишей, позволила ему себя трогать. Кажется, в наших отношениях я был единственным без мозгов.

Я сглотнул и, опустив голову, уставился на свои зимние кроссовки. А в груди будто микровзрывы происходили. Забавно... Мне казалось, что я отпустил эту ситуацию, перелистнул страницу. Но почему тогда...

Почему меня продолжает задевать эта девушка?!

Глава 2

Витя

Мы вышли из больницы молчаливой тройкой. Небо заволокло свинцовыми тучами, а стая ворон, кружившая возле здания, громко каркала, словно насмехаясь над этим миром. Антон держал Юльку под руку, а я просто старался прийти в себя и перестать прокручивать в голове проклятую встречу с Ритой: печальный взгляд, брошенный в мою сторону, и нежная улыбка, адресованная брату. Она посмотрела на меня так, словно я предатель и причинил ей столько боли, что жизнь окрасилась в черно-белые тона.

Мы не пересекались почти три года, я видел Романову лишь издали, более близко не сталкивался. И как хорошо было раньше: я быстро остывал после встречи, быстро возвращался к своей обыденности, но сейчас почему-то никак не мог успокоиться. Все вокруг бесило: звуки машин, голоса людей, радио, которое включил Леваков, усаживаясь на пассажирское сиденье.

— Где твоя машина, братишка? — спросил я, не выдержав.

— В сервисе, переобуться отдал.

— Все в ноябре переобулись, а ты самый умный что ли? — я ворчал, словно старый дед. Мы выехали с парковочной зоны, охранник в маленькой старой будке у шлагбаума недовольно окинул нас взглядом. Что же, я тоже был не особо в настроении. Спустившись до ближайшего перекрестка, мы выехали на центральную трассу. Будь моя воля, прибавил бы скорость, пока обороты на спидометре не стали бы зашкаливать. Но час пик и загруженная городская трасса не позволяли эмоциям взять верх. Как назло, когда мы остановились на светофоре, перед моим носом еще нагло вывернула длинная камри. Захотелось высказаться трехэтажным матом. Что за день?!

— Дядька мне просто по благу местечко выделил. Он, кстати, недавно о тебе спрашивал. Говорит, Витя пропал, не звонит, не пишет.

— А что я ему, девочка, звонить или писать?

— Ну, с днюхой-то мог поздравить, — не унимался Леваков, то и дело поглядывая назад, на свою ненаглядную Юльку.

— Я его поздравил.

— Через неделю.

— Слушай, лучше поздно, чем никогда, — возмутился я, нервно отбивая пальцами по рулю. Когда уже загорится зеленый?

Ладно, с дядькой — мы так Леонидыча называли — действительно вышло некрасиво. Он мне помог три года назад.

Я тогда ходил подавленным и постоянно зависал в клубах, теряя себя настоящего. Пытался заглушить тоску по Рите и искал всевозможные способы — правда, папе они не нравились. Один раз поругались, второй... На десятый старик выдвинул ультиматум: либо я заканчиваю убивать свою жизнь, либо он лишает меня денег и крыши над головой. Другой бы одумался, а я усмехнулся, взял дорожную сумку и пошел куда глаза глядят.

В юности почему-то кажется, что побег из дома — это решение любой проблемы. А желание родителей уберечь нас воспринимается в штыки. Что они понимают? Не у них же сердце истекает кровью? И вообще, вместо того чтобы пытаться научить нас мириться с собственной участью, могли бы дать свободу выбора и денег. Именно так кажется, когда по паспорту восемнадцать, а в душе и того меньше. Я не был исключением. Юношеский максимализм вперемешку с депрессией одержали верх.

Сперва я отправился в клуб, потом познакомился с какой-то девчонкой, переночевал у нее. Иногда заглядывал к старым знакомым, но все до поры до времени, конечно. Как только купюры закончились, я вдруг осознал, что никому не сдался со своими проблемами. Помню, один раз уснул на лавке в парке Анджиевского, укрывшись курткой. Наутро меня растолкали полицейские и увезли

погреться, как раз сильный холод стоял, так что я даже обрадовался.

Выпустили меня через три дня, я тогда взглянул на пасмурное небо и озадачился — как быть дальше? Знал: если вернусь к отцу, он не прогонит, но почему-то стало стыдно. Оглядел себя: порванная обувь, грязный, с запашком, небритый, в таком виде заявиться на порог — словно милостыню просить. А это как-то... выше моей гордости.

И тут, на мое счастье, у одного мужчины машина заглохла. Старенькая Волга забарахлила, и он никак не мог ее завести. Я подошел, предложил подтолкнуть, а там, как-то слово за слово, пожаловался на свою жизнь, на девушку, которую продолжал любить, несмотря на предательство, как мне плохо, как не хочется ничего, лечь бы и умереть. Дядька дал мне подзатыльник и пригласил к себе в гараж. Там чаем напоил с бутербродами, одежду свежую принес, но взамен попросил помощи. Ему нужен был сотрудник в сервис, ответственный, серьезный, честный.

Недолго думая, я согласился, скорее из чувства благодарности: не каждый день встретишь такого сердобольного человека на улице. Леонидыч выделил мне матрас, сказал, мол, на улице холодно, а выгонять бездомных котят против его убеждений. Считай, тогда и произошел переломный момент: я словно снял морок с глаз, очнулся, вдохнул свободнее. Вернулся к учебе и стал самостоятельно зарабатывать, дядьке помогал, а он мне платил

не только крышей, но и бумажками. Там, конечно, были гроши, уж на фоне тех, что давал папа в былые времена, но зато свои, доставшиеся за тяжелую работу.

Когда начинаешь зарабатывать сам, то как-то и сто рублей воспринимаешь иначе.

Через год я все-таки помирился с отцом по воле случая: он к нам в сервис заехал, увидел меня и ахнул. Мы разговорились, и я честно признался во всем. Так стыдно было, хоть на глаза повязку надей. Старик обомлел, и, устало вздохнув, выдал, какой у него сын глупый. Я не мог не согласиться. Сколькo ошибок по глупости наделал, даже смешно. Так мы и помирились. Я вернулся домой, ушел из автосервиса, перекочевав к отцу в фирму. Но поступок дядьки до сих пор помнил и при каждом удобном случае заезжал к нему, презенты таскал, тем более Леонидыч на себя деньги жалел, отдавая все в семью. Но сладкоежкой был тем еще — от конфет никогда не отказывался. Я, в свою очередь, старался его баловать сладостями, правда, всегда брал больше, чтобы и детям передать. Хороший все-таки он мужик, таких почти не осталось.

— Мне эта вторая поликлиника никогда не нравилась, — донеслось до моего слуха.

Я вернулся из воспоминаний, посмотрев в зеркало заднего вида. Снегирева о чем-то с задумчивым видом размышляла, разглядывая зимние улочки. Она постукивала пальчиком по нижней губе, словно прокручивала какие-то важные кадры в голове.